
*Специальная тема выпуска:
Менталитет и экономические успехи нации*

Приглашенный редактор — Н.М. Лебедева

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В данной подборке статей поднимается чрезвычайно важная и недостаточно изученная проблема связи экономики, культуры и психологии, которая может быть выражена в ряде конкретных, практико-ориентированных вопросов:

– Почему одни страны более успешны экономически, люди в них дольше живут, являются более креативными и счастливыми, чем в других, менее экономически успешных?

– Что несет глобализация человечеству: сближение культур, нивелирование культурной уникальности, или культуры остаются неизменными, несмотря на усвоение технологий, стилей одежды, питания и повседневного поведения? Что меняется, а что остается неизменным?

– Есть ли зерно правды в поговорке: «Если ты такой умный, то почему такой бедный?»

– Почему мигранты из менее развитых стран становятся успешными в более развитых странах и достигают больших высот, чем у себя на родине?

– Нужны ли сдвиги в психологии и культуре и если да, то в каком направлении, чтобы экономика могла развиваться инновационным, т. е. опережающим, способом?

– Можно ли достичь процветания и счастья только одним культурным способом и что это за путь?

Разумеется, никто не может дать исчерпывающих ответов на эти вопросы, но особенность данного периода развития человечества в том и состоит, что он ставит такие вопросы перед современной наукой.

Первыми к этим вопросам вплотную обратились экономисты со свойственной им деловитостью и практичностью, они столкнулись с

тем, что известные законы экономического развития, открытые на Западе, не всегда подтверждаются в других, незападных странах и цивилизациях. Они пришли к выводу, что «культура имеет значение».

При этом неизбежно вставали вопросы о том, насколько универсальными являются культурные ценности и экономические законы, какова их специфика в иной географической, политической или этнической среде? Поддается ли эта культурная специфичность трансформации в ходе экономического и политического развития, под влиянием процессов глобализации? Эти и им подобные вопросы поднимались в ходе Международного гарвардского симпозиума «Культурные ценности и прогресс человечества», состоявшегося в апреле 1999 г. в Американской академии искусств и наук в Кембридже, США. Материалы этого симпозиума, на котором присутствовали ведущие экономисты, социологи, политологи и культурные антропологи мира, были опубликованы в книге «Culture matters» («Культура имеет значение»), переведенной на русский язык в 2002 г.

В нашей стране проблемы влияния базовых культурных ценностей на социально-экономическое развитие были инициированы в ходе конференций и семинаров в Государственном университете — Высшей школе экономики под руководством Е.Г. Ясина.

Многие выдающиеся экономисты прекрасно осознают ограниченность рационального мышления и поведения человека, понимая, что существует целый пласт неосознаваемых норм и правил поведения, регули-

руемых культурными ценностями, которые пропитывают экономические (и любые другие) отношения. Нобелевский лауреат по экономике Д. Норт отмечал, что люди, живущие в современном западном мире, считают, что жизнь и экономические процессы подчиняются писаным законам и правам собственности. Однако даже для самых развитых экономик формальные правила составляют небольшую (хотя и очень важную) часть той совокупности ограничений, которые формируют стоящие перед нами ситуации выбора, и наше поведение в огромной степени определяется неписаными кодексами, нормами и условностями.

Относительно влияния ценностей культуры на экономическое и политическое развитие наций по всему миру разгораются нешуточные споры. Несмотря на то, что многочисленными международными исследованиями ценностей эмпирически доказывается тесная связь между культурными ценностями и социально-экономическими индикаторами развития наций, ряд ученых активно возражают против такого «сравнительного» подхода, предпочитая ему так называемый «этнографический» взгляд.

По их мнению, абсолютно универсальных ценностей не бывает, но иногда культурные ценности, пересекая географические границы, порождают одни и те же последствия в совершенно непохожих ситуациях. В качестве примера приводятся ценности «трудовой этики — образования — отбора по способностям — трудолюбия», в равной мере утвердившиеся в Западной Европе,

Северной Америке, Австралии, Новой Зеландии и Восточной Азии».

При этом связь между культурными ценностями и экономическим развитием не является прямой и однонаправленной, а также не остается неизменной в разных странах в разные эпохи. Например, ценности личного достижения и преуспевания встречаются во многих культурах, но при этом могут сочетаться с другими, непривычными для западного мира ценностями. Конфуцианство во все времена придавало колоссальное значение личному самосовершенствованию и воспитывало в детях ориентацию на достижения. Китайских детей учат тому, насколько это важно — добиться успеха. Но для чего? Стыдно не оправдать родительских ожиданий. Комбинация подчинения и стремления к достижениям предопределяла глубинную цель процесса социализации в традиционном Китае: потребность в свершениях следует реализовать, смиренно исполняя свою семейную роль и оставаясь зависимым человеком. Равновесие между тягой к достижениям и почтением к старшим тесно связано с механизмами доверия и динамикой личностных отношений, которые обеспечивают стабильность социальных связей. Об этом свидетельствует и высокий уровень социального капитала, которым отличается современный Китай и который благотворно влияет на развитие экономики и модернизацию общества.

При этом отметим, что такого рода сочетание ценностей индивидуального достижения и верности своей первичной группе является характерным для периода начальной

индустриализации, для России это сочетание было типичным в 1930-е годы, также отмеченные небывалым трудовым энтузиазмом. По-видимому, здесь мы встречаемся с универсальной логикой ценностных трансформаций коллективистских культур, поставивших своей целью экономический рост и развитие. Однако, на наш взгляд, такое сочетание таит в себе глубинное противоречие, которое неизбежно со временем выльется в ценностный конфликт правящих элит или разных поколений.

Тем не менее, объективно следует признать, что не только так называемые западноевропейские, прежде всего протестантские, ценности (индивидуализм, рациональность, достижительность) могут способствовать экономическому прогрессу, но и восточноазиатские, например конфуцианский динамизм (или долговременная перспектива), которые показали значимую корреляцию с экономическим ростом в странах Юго-Восточной Азии (Южная Корея, Гонконг, Тайвань и др.). А что такое «долговременная перспектива» как не способность отложить вознаграждение за сегодняшние труды на завтра, что это как не «терпение», так почитаемое в традиционных земледельческих культурах, в том числе и русской?

Однако различие здесь в том, что в первом случае мы имеем дело с механизмами индивидуального выбора, каким ценностям следовать, а во втором — с механизмами коллективной мобилизации на ту или иную общественную задачу, где мнение индивида в расчет не берется, а иногда такое независимое мнение

может представлять опасность не только для карьеры, но и для жизни его обладателя. В сфере экономики это может выражаться в том, что чем больше таких *несогласных*, тем меньше экономический эффект коллективной мобилизации, что нам и показала эпоха «развитого социализма».

В отличие от четко определяемых учеными так называемых «продуктивных» для социально-экономического развития ценностей, относительно «непродуктивных» культурных ценностей нет явного консенсуса. Скорее, здесь срабатывает эффект «от обратного»: чем меньше в культуре ценится рациональность, достижительность, индивидуализм, тем с большей вероятностью данная культура попадает в разряд менее успешных экономически стран.

Однако, по мнению М. Портера, «непроизводительные» экономические культуры являются следствием не столько из каких-то «врожденных» особенностей того или иного общества, сколько из неосведомленности или подчинения ложным теориям. Иногда насаждение ложных теорий имеет идеологическое происхождение, но порой их рассматривают в качестве удобного метода политического контроля. Например, нередко приходится слышать сетования на то, что трудовая этика в развивающихся странах оставляет желать лучшего. Но может ли быть иначе, когда усердный труд не вознаграждается? Если, несмотря на все ваши старания, продвинуться по службе невозможно? Трудовую этику нельзя рассматривать в отрыве от системы экономического стимулирования в целом. Точно так же и компании в «третьем мире» порой ведут

себя непоследовательно и не заглядывают слишком далеко вперед. Но на деле подобное поведение оказывается весьма рациональным в среде, где политика властей нестабильна и непредсказуема. Стремление сконцентрироваться на извлечении ренты, а не на развитии тоже обычно ассоциируется с особенностями политической системы. Таким образом, получается, что **приписываемые культуре национальные особенности часто имеют сугубо экономическое происхождение.**

Но и такой взгляд грешит упрощенчеством. В России в начальный период реформ среди экономистов было распространено довольно радикальное мнение, согласно которому институциональную структуру общества можно перестроить ускоренными темпами, если проявить политическую волю и подойти к решению этой задачи рационально, отобрав наиболее эффективные институциональные образцы. При этом культурные ценности русского народа во внимание не принимались. Сегодня мы видим, что попытка подобной революционной ломки институтов привела к противоречивым результатам.

В связи с этим встает вопрос о скорости культурных изменений. По мнению Р. Инглхарта и Ш. Шварца — авторов международных исследовательских проектов по изучению ценностей, различия между странами в культурных ценностях оказываются вполне стабильными: относительные позиции стран в этих ориентациях меняются очень медленно, несмотря на серьезные социальные, экономические и политические изменения, которые переживают многие страны на рубеже XX–XXI вв.

К сожалению, человеческая жизнь очень коротка, по сравнению с жизнью культур и цивилизаций, и мы имеем крайне ограниченный эмпирический плацдарм для того, чтобы пытаться сделать выводы и выстроить какие-то прогнозы. Но пытливейший человеческий ум не может этого не делать.

В данной подборке представлена некая, весьма ограниченная палитра взглядов, теоретических подходов и эмпирических исследований, сделанных на пересечении экономики, культуры и психологии.

В первой статье Е.Г. Ясина, профессора и научного руководителя Государственного университета — Высшей школы экономики, «Исследование культурных ценностей — общее дело социальных наук» формулируется проблема связи ценностей культур и социально-экономического развития наций как общая задача исследователей в сфере экономики, социологии и психологии, делается попытка представить оси измерения ценностей с опорой на существующие подходы Г. Хофстеда, Р. Инглхарта и Ш. Шварца. Важной ценностью, которая может способствовать созданию в России инновационной экономики, Е.Г. Ясин считает «открытость к изменениям».

Тему влияния ценностей культуры на жизнь человеческих обществ продолжает и углубляет статья всемирно известного ученого, автора теории и метода исследования культурных ценностей Шалом Шварца «Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий», в которой он представляет свои теории и метод, а также дает развернутое описание

ценностных различий ведущих регионов мира и приводит следствия этих различий для экономического и социального развития. Согласно Ш. Шварцу, «обществу необходимы разнообразные умения, знания, интересы, инновационность, чтобы успешно справляться с многочисленными задачами, новыми вызовами и скоростью изменений, сопутствующей развитию. В результате экономическое развитие стимулирует культурную **автономию** и **равноправие**, но приводит к ослаблению **принадлежности** и **иерархии**. В то же время культура в свою очередь влияет на экономическое развитие. Культуры, которые упорно воспроизводят **принадлежность** и **иерархию**, сдерживают индивидуальную инициативность и креативность, необходимую для экономического развития».

Эти выводы Ш. Шварца хорошо подтверждаются и результатами эмпирических исследований в России, представленными в статье Н.М. Лебедевой «Ценности культуры, экономические установки и отношение к инновациям в России». Согласно результатам исследования, проведенного по методологии Ш. Шварца, критериям экономического развития и психологического благополучия россиян удовлетворяют ценности **Интеллектуальной Автономии** и **Мастерства**, т. е. ценности независимости суждений и преобразовательной активности. Показательно, что оба эти критерия «выступают парой», что свидетельствует о том, что психологическое благополучие в современной России, по-видимому, невозможно без экономического развития. Любопытно, что с инновативными установками личности во всей

выборке позитивно связаны те же самые ценности, а негативно — ценности **Иерархии**. Эти результаты согласуются с данными зарубежных исследований, а именно: индивидуалистические тенденции в культуре способствуют инновациям, а «вертикальность» культуры — препятствует.

Завершает подборку статья известного британского профессора Р. Линна «Интеллект и экономическое развитие», в которой автор, базируясь на обширном сравнительном материале, утверждает, что от интеллекта зависит доход отдельных людей и благосостояние народов и что национальные различия в интеллекте являются главным фактором, отвечающим за процветание и бедность наций. Интеллект определяется как «общая когнитивная способность», проявляющаяся в умении рассуждать, решать вербальные, математические и пространственные задачи, быстро обучаться, запоминать и усваивать большое количество знаний. Любопытным и прокладывающим некий мост к предыдущим статьям в подборке является вывод о том, что, несмотря на больший размер мозга и более высокий уровень интеллекта восточных азиатов (японцев, китайцев и корейцев), они уступают в креативности европейцам. Почему это так? Сам автор объясня-

ет это «преимущество» европейцев ссылками на Ч. Мюррея, который считает, что открытая дискуссия, нацеленность на индивидуальную конкуренцию в сфере знаний и привела к большим творческим достижениям европейцев в сравнении с «востоками». Этот вывод находит свое подтверждение в исследованиях национальных различий в выраженности личностной черты «открытость опыту». Это удивительным образом пересекается с отмеченной Е.Г. Ясиным важной для развития экономики осью измерения культуры — «открытостью изменениям».

Таким образом, разные исследователи, пользуясь разными теориями и методами, приходят к одному и тому же выводу: для успешного социально-экономического развития наций необходимо то, что нужно и для полноценного развития и самореализации отдельного индивида — ценности интеллектуальной свободы, мастерства и открытости изменениям.

Конечно, многие идеи и выводы изложенных здесь работ могут показаться спорными и подвергнуться критике. Это и замечательно. Открытая дискуссия, как мы помним, — культурное преимущество европейцев, лежащее в основе их творческих достижений.

Читайте, думайте, спорьте.

Н.М. Лебедева